

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ
(ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРЕВОДЫ)**

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ
(ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРЕВОДЫ)**

Составление и общая редакция
М. С. ПЕТРОВОЙ

ИВИ РАН
Москва 2012

Рецензенты

член-корреспондент РАН Пиам Павловна ГАЙДЕНКО
доктор исторических наук Вера Павловна БУДАНОВА

И 73

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПРОШЛОМ И
НАСТОЯЩЕМ** (исследования и переводы) / Составление и об-
щая редакция М. С. Петровой. — М.: ИВИ РАН, 2012. — 288 с.

Составившие книгу исследования посвящены проблемам изучения интеллектуальных традиций на большом временном диапазоне. На обширном тематическом материале (идеология и культура, идеи и понятия, текст и образ) авторы сборника демонстрируют, как сосуществовали и влияли друг на друга самые разные традиции, как они усваивались, трансформировались и видоизменялись. Немалое внимание уделяется проблемам преподавания, методам образования и хронике событий. Публикуются (во фрагментах) комментированные переводы сочинений Беда Досточтимого (VII в.) и Джереми Тейлора (XVII в.), неизвестный рассказ Сигизмунда Кржижановского.

Для историков, культурологов, историков философии, социологов и литературоведов.

Научное издание

- © М. С. ПЕТРОВА, общая редакция, составление, 2012
- © Коллектив авторов, 2012
- © Институт всеобщей истории РАН, 2012
- © Л. Э. МИЛЯВСКАЯ, оригинал-макет, компьютерная верстка, 2012

В. В. ПЕТРОВ

СЕМЬ ПИСЕМ ИЗ НЕВОЛЬНОГО ПЕРЕУЛКА

К ПУБЛИКАЦИИ РАССКАЗА С. Д. КРЖИЖАНОВСКОГО

Рассказ С. Д. Кржижановского *Невольный переулок* публикуется впервые. По неизвестным причинам, он не попал в корпус рукописей и документов, которые А. Г. Бовшек, вдова писателя, передала в 1965 г. в ЦГАЛИ. Нет его и в материалах, которые она забрала с собой, уехав через год из Москвы в Одессу (ныне они образуют фонд С. Д. Кржижановского в Центральном государственном архиве-музее литературы и искусства Украины).

Копия с машинописным текстом *Невольного переуллка* поступила в РГАЛИ много позже, в 1995 г., — из Центрального архива ФСБ России (акт передачи от 19. 09. 1995 г.). Теперь уже не важно, каким образом она попала туда: вероятно, от кого-то из ближнего круга писателя (изъята или передана)¹. Загадкой остается, почему

---

* Сочинения С. Г. Кржижановского цитируются по изданию В. Г. Перельмутера: Сигизмунд Кржижановский, *Собрание сочинений в 6 томах*, тт. 1 – 5 (СПб. – Москва: Symposium – b.s.g.-press, 2001–2010), т. 6 — в печати.

¹ Ср. примеры слежки за гостями М. Волошина в Коктебеле в годы, когда туда приезжал С. Д. Кржижановский, из кн. В. П. Купченко, *Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932* (СПб.: Алетейя; Симферополь: Сонат, 2007). Кржижановский приезжал в Коктебель трижды. В 1926 г. он жил у Волошина с середины июня по начало августа (читал *Странствования странно, В зрачке*). И тогда же «в ГПУ направлен “персональный список граждан”, проживающих на даче МВ (29 имен) — с указанием возраста, национальности, профессии и места постоянного жительства», *Независимая газета* от 18.09.1997 (Купченко, с. 305–312). В 1927 г. писатель гостил в Коктебеле в июле (читал *30 серебряников, Якоби и якобы*). Тогда же: «Сексот ОГПУ пишет справку “Дом поэтов”, отмечая: “Чуть ли не до прошл. года на дверях” дома МВ “была прикреплена гордая надпись”, что помещение “свободно от реквизиций и обысков”. Комнаты с примитивной обстановкой предоставляются совершенно бесплатно; среди гостей (большую часть которых составляют женщины и дети) Гениева, Пазухина, А. Габричевский, Т. И. Соркин (бывший эсер), В. Я. Эфрон, С. Соловьев (“теперь, кажется, католическ. священник”), О. Головина — так сказать, “интеллигентные попутчики”. В доме — тяга к религии и мистике: у МС “во всех углах — иконы и лампадки”, мно-

рассказа не оказалось в материалах, поступивших в московский и киевский архивы от самой А. Г. Бовшек (сохранился же неподцензурный *Красный снег*).

Экземпляр *Невольного переулка*, находящийся ныне в РГАЛИ (ф. 2280, оп. 2, ед. хр. 14), представляет собой фотокопию, сделанную со сброшюрованного машинописного текста: на всех листах у левого края видна линия переплета, от которой снизу, влево и право, отходят дуги страниц. Возможно, сброшюрованный оригинал — это личное дело писателя в КГБ, и тогда *Невольный переулок* занимает в этом деле стр. 105-119 (размашисто пронумерованы карандашом). Впрочем, исходно машинопись представляла собой независимую единицу: титульный лист и последующие 14 страниц рассказа имеют отдельную пагинацию (номера страниц от 2 до 14 набиты при печати, титул и первая страница без номера). На титульном листе: «С. Кржижановский. Невольный переулок. 31 / VIII-33 г.»

Вероятно, текст перепечатан самой А. Г. Бовшек (или по её поручению) и, похоже, — после смерти С. Г. Кржижановского. Предполагать это заставляют два обстоятельства. Машинопись сделана не под диктовку (как предпочитал работать сам писатель), но с рукописи, поскольку сохраняются характерные для Кржижа-

---

гие дачницы ходят в церковь, а детей учат “ветхому завету”. Сам МВ пишет поэму о св. Серафиме, “заговаривает” от ожогов, лечит головную боль возложением рук. Подчеркнутая индифферентность к политике, пренебрежение к газетам, тоска и тяга к “Европе”. По мере своей возможности гости стараются оплатить свое пребывание посылками с материей, конфетами, красками и бумагой, подарками на дни рождения и именин, а также сбором по подписке — то “на зубы”, то на шубу, то на ванну, то на ремонт крыши” (КУПЧЕНКО, с. 349-354). В 1928 г. Кржижановский останавливался у Волошина в августе. Читал две главы из *Возвращения Мюнхгаузена* и *Неуклюженный локоть*. На праздновании именин Волошина 17 августа разыгрывался спектакль. «В речи Мюнхгаузена в прологе (в исполнении Стрелкова) объявлялось место действия: страна, где люди проводят большую часть жизни в гробах...». Месяцем позже (26.09.28) «сексот пишет начальнику Секретного отдела ОГПУ т. Дерibasу об «обществе» на даче МВ: академики Костыгчев и Розанов, профессор Шервинский, поэты Ланн, Рождественский, Шенгели, Остроумов, Шервинский-сын, певица З. Лодий, актер Потоцкий, а также адвокаты, студенты. Состав текуч (большинство живет недели по две), так что нет оснований видеть у МВ «антисоветский салон». Его библиотека для гостей закрыта; есть «шкап с переводным чтивом, открытый для всех». К изданию своей книги *Стихи о терроре* МВ относится с негодованием, считая «величайшим свинством со стороны неизвестного лица» отправить его стихи в Берлин» (КУПЧЕНКО, с. 392-400).

новского орфографические особенности, которые были бы утрачены при записи с голоса («итги», «почталион», «и так»), написание двухзначных чисел цифрами), ненормативное отсутствие дефисов («по моему», «какое то», «какнибудь») или, напротив, их наличие («на полпь-янии», «тот-же», «тот-час»), особенности пунктуации (отсутствие вопросительных знаков, непарное число кавычек). Текст не был вычитан автором и не везде был понятен машинистке: в нем содержатся опечатки («слодившись», «ни на ндиный грамм»), «рюмке за рюмкой», «человек не марке», «поднянитесь», «телевке») и синтаксические нестыковки («когда тьма перевалит через зенит сотен окон вашего нелепого, облого дома потухнет...», «и в сне в яве»). Первое и второе «письма» слились воедино, у второго письма отсутствует порядковый номер.

Точная датировка рассказа сомнительна. Как правило, для сочинений Кржижановского в лучшем случае известен год создания. Если верно предположение, что А. Г. Бовшек перепечатывала текст уже после смерти мужа, то она же и поставила дату, сверившись с письмом, которое он адресовал ей много лет назад: «Написал еще три рассказа — *Окно*, *Гулливер ищет работы* и *Невольный переулок* (последний еще не вполне закончен — он довольно длинный)». Письмо точно датировано: 30.08.1933. Возможно, несмотря на слова автора о незавершенности рассказа, А. Г. решила, что читателям лучше иметь хотя бы какой-то хронологический ориентир, и датировала рассказ следующим днем, указав на тигуле: 31.08.1933.

При публикации мы старались ограничить вторжение в авторский текст, чтобы в максимальной степени сохранить особенности авторского стиля. Для последнего характерна, в частности, относительная скудость пунктуации (минимум тире, кавычек, ударений, прописных букв). Большой частью, нарратив представляет собой внутренний монолог персонажа, приближенной к литературно необработанной устной речи с её эллиптическими конструкциями и неправильностями.

Проза *Невольного переулка* фонтанирует языковой игрой. Здесь есть уникальные находки, вроде фразы «он ждет óну», напоминающей о «нет влечется к нёте» из *Страны нётов*. В то же время, придумываются слова (шестизвонковый, отодиноченный, на отодвиге, оддумать, бездвигиться) и словосочетания (ходильная работа, ходить в полшума, будкий сон, дёрги шагов, на полпьянии, гражданин кто-бы-то-ни-было), которые вполне могут встретиться в чьей-либо устной речи.

Велико стилистическое разнообразие. Используется канцелярит и советизмы (отработчик, сверхпак), задействуется устаревшая лексика (облый) и правила дореформенной орфографии (наращения на ять). Стилизуется «простонародный» говор («Занозил он меня. Обидно») и неправильности (спозаранками, рывкость, дёрги шагов, заадресовать). Подобная сырая, терпкая лексика характерна для прозы Кржижановского. Примечательно, что в процессе последующей переработки он подчас снижал градус письма, уменьшал языковую насыщенность путем приведения к литературной норме². Неоднократны усеченные формулы, усиливающие впечатление того, что рассказчик бормочет себе под нос («все двадцать четыре в сутки»; «года два тому»; «с первым брезгом»).

В пандан к упоминаемым народным обрядам (общинная свеча) ставятся пословицы («хоть на вей-ветер швырай»), «скачу задом и передом»), поговорки («хоть шарбм», «руки плетью», «палки в колеса») или отсылки к ним («горбатого могила»). Эта «народность» не должна вводить в заблуждение. Одна из формул («и в сне, и в яви»), быть может, заимствована автором из примечаний В. Н. Карпова к шеститомному изданию сочинений Платона (2-е изд., 1863–1879)³. Кржижановский хорошо знал это издание Пла-

² Это видно в тех редких случаях, когда сохранившаяся машинопись содержит правку писателя, как, например, в сб. *Сказки для вундеркиндов*. См. *Квадрат Пегаса*, РГАЛИ, ф. 2280, оп. 1, ед. хр. 1, л. 29: «звездным по тьмову» → «звездным по тьме»; *Граи*, л. 80: «*посреди всей цветени, по колению в словах*» → «по колению в словах»; *Стиноза и нау*, л. 92: «*колочую сложносгрань глаз*» → «*колочий гранёный глаз*», л. 93: «*воломенов*» → «*печатных томов*»; *Четки*, л. 98 «*желтыми обжинками оброненные лучи*» → «*оброненные лучи*», л. 100 «*такая полнь*» → «*такая наполненность*»; *Поэтому*, л. 107 «*сведенные тисчим спазмом*» → «*сведенные спазмом*», л. 118 «*ничего-надная форма anaesthesia poetica*» → «*anaesthesia poetica*»; *Старик и море*, л. 132: «*высердцованный червь*» → «*червь, вынутый из сердца*»; *Итанесизс*, л. 137: «*на зигзаге пути*» → «*на пути*», «*дальнюю наорбитную поступь светил*» → «*дальнюю поступь светил*»; *Некто*, л. 149: «*к поблескивающему медью горизонтальному толстому стержню*» → «*к горизонтальному стержню*»; *Проданные слезы*, л. 166: «*давнул*» → «*нажал*»; *Кунц и Шиллер*, л. 193: «*рукопись, с лоскотом, стала... сворачиваться*» → «*рукопись стала... сворачиваться*»; *Страна нетов*, л. 205: «*сон просыпается явью, — и входит, явя*» → «*сон просыпается явью*».

³ Ср. *Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные проф. Карповым*, ч. I–VI, изд. 2-е, испр. и доп. (СПб., 1863–1879). В примечаниях к переводу В. Н. Карпов неоднократно разъясняет греческую пословицу «во сне и наяву», ср. т. 4, с. 112, примеч. 2 (к *Phaed.* 277D): «*τὸ ἄγνοεῖν ἕλαρ τε*

тона и использовал примечания Карпова в своих теоретических работах. Иногда, писатель сочиняет поговорки «под Даля»⁴.

Большое внимание в рассказе уделяется фонетической стороне. Подбираются и обыгрываются уже существующие в языке созвучные пары (писатель / записыватель; Господу Богу / ей-богу; от нахлеста / нахлестался; письмо в ящик / и меня в ящик), придумываются новые (вскоре / невскоре; суразить несуразицу; перепротивно противное), конструируются омофоны («только у них и темы, что, мол, не те мы») и шуточные этимологии («между словами “почта” и “почтенная” есть даже какое-то родство»).

Отличительной чертой *Невольного переулка* является его кумулятивность. Рассказ начинен афоризмами, годами копившимися в *Записных тетрадах* (см. ниже ПРИЛОЖЕНИЕ), и поговорками, почерпнутыми, вероятно, из *Пословиц русского народа* В. Даля⁵. В не-

кай бвар. — Это греческое выражение есть пословица, буквально соответствующая русской поговорке: «во сне и наяву»; *обт' бвар обт' блар*, ни во сне, ни наяву»; т. 3, с. 137, примеч. 1 (к *Remp.* II, 382E): «Обт' блар обт' бвар — пословица, совершенно соответствующая нашему наречию *никогда*»; т. 3, с. 454, примеч. 1 (к *Remp.* IX, 576b): «Oвар и блар у греков в соединении имели силу пословицы: обте бвар обте блар, ни во сне, ни на яву, то есть никогда. Но в настоящем месте эти слова берутся раздельно, как понятие противоположные, и под словом бвар разумеется представление о предмете... а словом блар выражается та мысль, что предмет, о котором мы только размышляли или мечтали, теперь осуществился»; т. 5, с. 103, примеч. 2 (к *Phil.* 36E): «Н и на-яву, ни во сне. Обте дѣ бвар обт' блар есть выражение собственно про-вербиальное и значит: ни коим образом».

⁴ В. Г. Перельмутер указывает на примеры того, как Кржижановский придумывает поговорки в стиле Даля: *Путешествие клетки* 7 (СС, т. 5, с. 185), и примеч. с. 185, или переиначивает их («Бог не в стиле, а в правде»): *Записные тетради* 3 (СС, т. 5, с. 408) и примеч. с. 617. Интерес к народному словотворчеству и фонетической стороне языка у писателя был давним. Уже в раннем сочинении он пишет: «В наивной народной речи, не знающей пресса книги и “буквы”, гербаризирующей слова, можно еще наблюдать пережитки свободного, как бы “хозяйского” отношения к формам звука... Например: “звери всяки, и такі, и такі” (из сказки). Парадоксальность и прихотливость свободного словообразования ярко ощущается при чтении “Толкового словаря живого великорусского языка” Даля», *Идея и слово* (1912), СС, т. 5, с. 494-495. А также, *Arpo и Ergo* (ок. 1918), СС, т. 5, с. 508: «В словаре Даля есть такой пример фразеологии: “Далеко ли до ***?” — “Близко”. — “А далеко ли до близка?”».

⁵ Ср. письмо Кржижановского к А. Г. Бовшек от 11.04.1940: «Сегодня утром раскрыл Даля и загадал. Вышло: “Ушел завтра — вернулся вчера”». См. также, *Писаная торба* II (СС, т. 5, с. 35): «притащи-ка мне словарь Даля. На Букву “Д”. Он там, на нижней полке... Ну вот, посмотрим... “Дурак — глу-

которых местах текст представляет собой прозаические центоны (ср. пассажи из наречий на ять, из поговорок или переименованных пословиц).

Рассказчик сыплет горькими афоризмами («лучше красный нос, чем нос по ветру», «уровень жизни так поднялся, что подбирается к горлу»). Текст полон приметам времени (почтовые марки; иерархия жильцов в коммуналке; очереди за водкой и пр.), жизненных зарисовок (неспящий старик), автобиографических деталей (авторские внешность, пристрастие к алкоголю, образ мыслей и жизни), топонимических наблюдений (переулки, примыкающие к Варгунихинской горе)⁶.

пый человек, тупица”. Гм, дальше: “от черта крестом, от медведя постом, от дурака — ничем”. Устарело: найден способ. (*Перелистывает страницу.*) “Всяк дурак красному рад”... (*записывает, скользит глазами по строкам книги.*) “На дурака и смех плачем прет”. “Смех плачем” — полезный штрих, запишем». Н. Семпер упоминает о том, что в 1940-х подарила Кржижановскому *Пословицы и поговорки* В. Даля. Возможно, с ее стороны это был отклик на то, что писатель упоминал об этой книге. Пространное рассуждение об использовании пословиц в литературе см. в докладе Кржижановского *Пьеса и её заглавие* (9. 12. 1939), СС, т. 4, с. 628: «Лев Николаевич в своих дневниках пишет дважды, по крайней мере, о значении русской пословицы, поговорки и загадки. Он находит, что в каждой почти, — не скрою, что у него написано “почти”, — русской поговорке скрывается сюжет... Каждая пословица это есть “S есть P”. Она всегда двусторонняя, двусторчатая, она всегда звучит равновесно, она всегда страшно конкретна. Я много работал над Далем, о котором существует такое предание. Он даже это рассказал в одном из своих писем, так что это факт. Когда-то он, путешествуя со своим словарем по Узбекистану, потерял верблюда, верблюд издох. Даль вез на нем кипу материалов для словаря плюс кларнет. В течение двух суток он сидел на своем словаре и играл на кларнете. Я думаю, что есть что-то общее между русскими пословицами и этой игрой на кларнете. Пословица зовет к себе, вторгается в мышление и музыкой, и логикой. Пословица, в которой только логика без музыки, или наоборот, никуда не годится. Пословицы можно создавать. Суворов создал целый ряд пословиц... Конкретность поговорок заключается в том, что берут скалку, косу или прялку из рук женщин и объединяют с образом той, которая держит это в руках... “Два братца кулаются, сестрица надсмехается”. Два братца — ведра, а сестрица — коромысло. Переверните его — как улыбка. Как страшно конкретно. Цель моя — указать только на это, а не на мудрость народную, потому что, если притащить все четыре тома Даля, мы отсюда не ушли бы до нового года и т. д. ».

⁶ В автобиблиографии Кржижановский указывает, что в 1933 г. издательством Интурист был принят в печать его *Путеводитель по Москве* (РГАЛИ, ф. 2280, оп. 1, ед. хр. 75, л. 13).

Большей части адресов, по которым направлялись письма из Невольного переулка, уже не существует⁷. Четные дома в начале Тверской улицы, к которым относился и № 4, были взорваны в 1938 г. во время расширения проезжей части (да и сама улица с 1932 г. стала именоваться ул. Горького). Старообрядческая церковь Николы Чудотворца снесена в 30-х (Илл. 1), а в 50-х были скрыты остатки Варгунихиной горы. Под новой застройкой погребен Варгунихинский (Кривой) пер., в три колена соединявший Шубинский (Долгий) пер. и Смоленскую улицу. Снесена малоэтажная застройка между Смоленской набережной и 1-м Смоленским переулком. Давно исчез вместе со своими 16-ю домами Невольный переулок (хотя на картах Москвы он продержался до конца 90-х). Как кажется, от него сохраняется проезжая часть: она поднимается параллельно Шубинскому пер. вдоль пятиэтажной стены типографии «Наука» из двора д. № 2, что на Смоленской набережной, а затем поворачивает влево, в сторону 1-го Николощеповского переулка. Выстоял лишь «облытый» дом по адресу Арбат, 51.

Композиционно *Невольный переулок* (как и повесть *Штемпель: Москва*, имеющая подзаголовок «13 писем в провинцию») оформлен в виде серии писем, из которых последнее имеет признаки обрамляющего (автор выходит за пределы монолога в рамочное повествование). Однако, если письма *Штемпеля* предназначались одному лицу (оставшемуся в Киеве «милому другу»), то модернистская эстетика писем из *Невольного переулка* определила целый ряд необычных адресатов: упоминается письмо, выброшенное в форточку (на вей-ветер), письма, адресованные «шести длинным дверным звонкам», гражданину Кому-бы-то-ни-было (или его окну), почтальону, жильцу еще не построенного дома, красноармейцу на почтовой марке, опять негаснущему окну.

---

⁷ Ср. *Штемпель: Москва* (1925), СС, т. 1, с. 538-539: «Вчера попался в руки “Арбат” Белого; очерк говорит о совсем недавнем, о только-только отсутствовавшем; но когда я, полный еще образов “Арбата”, вышел на настоящий Арбат, я сразу же увидел, что отыскать хотя бы бледную проступь отсутствовавшего почти невозможно. Я был раздосадован. В конце концов... камень не тверже воска: каких-нибудь тридцать лет, и все перелеплено заново. Слова, те крепче... Имя, крепко сцепив буквы, сквозь пять веков пронесит свой корень, не отдавая ритма (кленники — клинники — блинники) и меняя звук лишь у краезвучья».

Илл. 1.
Ц. Николая Чудотворца на Варгунихинской горе. Фото 1925 и 1935 гг.
(фото с сайта oldmos.ru [июль, 2012]).

Таким образом, во всех случаях монологи обращены в пустоту, адресатом исповеди является некое не проявляющее себя зияние. Похоже, что семь писем из *Невольного переулка* Кржижановский уподобляет семи монологам Гамлета, которые, как он замечает в другом месте, тоже обращены в пустоту и молчание:

«Метод последних слов ...Вспоминая в своем диалоге *Федон* о смерти учителя, обвиненного в развращении юношества и отрицании бытия богов, Платон приписывает Сократу, уже принявшему цикуту, следующую заключительную фразу всей его жизни: “Не забудь принести в жертву Эскулапу петуха”. Петуха принесли в жертву богу-целителю в благодарность за излечение... Если вы хотите узнать тональность музыкального произведения, достаточно, заглянув в ее последнее тактовое разделение, отметить последнюю ноту: обычно нота эта и является тоникой, т. е. опорным звуком того звукоряда, на котором построена вся вещь. То же самое... говорят нам завершительные сцены шекспировских трагедий. Возьму, для начала, самую известную. “Гамлет”. Протагонисту дано автором семь монологов. Любопытно отметить, что все они обращены не к живым персонажам, а к персонажам, а бы сказал, абстрактным, находящимся за чертой пьесы... От собеседников этих Гамлет не получает в ответ ничего, кроме молчания, — и только умирая, пораженный ударом отравленного меча, он говорит, точнее, повторяет единственную глухую реплику, которую получал в ответ на все свои монологи: “Остальное — молчание” — “The rest is silence”»⁸.

Характерно, что в приведенном отрывке, как и в заключительной фразе *Невольного переулка*, тоже говорится о яде.

Финал *Невольного переулка* — о смерти, свободе, праве оставаться собой в ситуации, когда «коленчатым Невольным переулком» сделалась вся Россия. В пятом письме упоминается изображенный на марке красноармеец, который своей смертью загородил «свое от чужого» (Илл. 2). Его «свое» победило.

Но протагонист *Невольного переулка* ощущает себя посторонним в этом «прекрасном новом мире» («с февралевой душой да в октябрьские дела»). Он вытеснен из бытия, и это угнетает его. «Приклеиться», «держат нос по ветру» — значит существовать в виде «и я» (так Кржижановский именует голос безликого представителя толпы, имитацию бытия). Вести незаметное существование, быть пустым местом — это еще один вид не сущего: отчужденная

⁸ Фрагменты о Шекспире (1939), СС, т. 4, с. 363-364.

жизнь «перегораживает дорогу своему к своему», лишает идентичности (здесь Кржижановский говорит на языке экзистенциализма²).

Илл. 2.
Человек на марке.

Схожая проблематика — свобода и детерминизм, личность и социум, революция и индивид — неоднократно обсуждается в прозе Кржижановского. Достаточно указать на рассказы *Штемпель*: *Москва*, *Красный снег*³, *Разговор двух разговоров*. Последний пред-

² Ср. САРТР, ЖАН-ПОЛЬ, *Бытие и ничто* (1943), пер. с фр. В. И. Колядко (М.: Республика, 2004): «Наша жизнь является только долгим ожиданием, ожиданием реализации наших целей... особенно ожиданием себя... Это происходит... из самой природы для-себя, которое “есть” в той степени, в какой темпорализуется... Быть собой — значит идти к себе» (с. 543). Однако для Сартра и Камю самоубийство и пассивность тождественны в том, что являются торжеством экзистенциального абсурда над смыслом и целеполаганием. Камю говорил: «самоубийство — ошибка», «я отвергаю самоубийство» (*Миф о Сизифе* [1941]). САРТР, *Бытие и ничто*: «Сделать пассивным в мире, отказаться от воздействия на вещи и Других — это значит еще выбирать себя, и самоубийство является одним из способов бытия-в-мире» (с. 560); «Самоубийство является абсурдностью, которая погружает мою жизнь в абсурд» (с. 545). Для Сартра самоубийство является признанием своей неудачи и передачей себя в руки Другого. В философской системе координат Кржижановского, сформированной в кантовско-фихтевской парадигме, подобная аргументация не работает. Всякий Другой есть лишь мозговой конструктор.

³ Между ними, вообще, имеется ряд переключек. Например, в финале *Красного снега* появляется философ-кефалофор, и в *Разговоре двух разговоров* тоже упоминается фреска со святым, несущим в руках свою голову, как фанарь. (Изображение святого Кржижановский ошибочно относит к панно «Ал-

ставляет собой диалог, в котором бледный (незагорелый) пляжник¹¹ отстаивает идею свободы и права личности, а загорелый их отрицает. Характерно, что и здесь имеется отсылка к шекспировскому *Гамлету*. На аргументы защитника свободы его оппонент-детерминист отвечает: «Слова, слова, слова». Тогда первый парирует: «Только интонацию принца по нынешним временам приходится заменять интонацией нищего: слов, слов, слов»¹².

Шестое и седьмое письма адресованы жителю «облого» дома, высившегося напротив дома самого Кржижановского. Вначале приведены несколько образчиков *Galgenhumor*. Затем следуют две зарисовки: воспоминание о старике, в буквальном смысле приравнявшем жизнь к бодрствованию, а смерть — к сну¹³, и случай с попавшим под колеса псом, до последнего борющимся за жизнь.

легория Сорбонны» Пюви де Шаванна, но, скорее всего, образ инспирирован скульптурным изображением св. Дионисия, покровителя Парижа, из Нотр-Дам де Пари. Всего во французской агнографической литературе упоминается более 134 кефалофоров, см. NOURRY, Emile, “Les saints céphalophores. Étude de folklore hagiographique”, *Revue de l’Histoire des Religions* 99 [1929], p. 158-231. Сравнение отсеченной головы с фонарем указывает на второй источник Кржижановского — *Божественную комедию* Данте — *Ад*, Песнь 28, 118-142. В восьмом кругу ада путники встречают Бертрама де Борна:

Я видел, вижу словно и сейчас,
Как тело безголовое шагало
В толпе, кружащей неистотный раз,
И срезанную голову держало
За космы, как фонарь, и голова
Взирала к нам и скорбно восклицала.

Я связь родства расторг перед целым светом;
За это мозг мой отсечен навек
От корня своего в обрубке этом...

Пер. М. Лозинского, 1932–1945.

К этой сцене существует иллюстрация Гюстава Доре).

¹¹ Ср. *Штемпель: Москва* (1923), СС, т. 1, с. 531: «На Крым мне не хватает червонцев, объяснять же вернувшимся друзьям, почему не загорел, долго и скучно».

¹² Ср. тот же прием в *Красном снеге*, где опустившийся философ предстает в виде нищего, умоляя «подать на философему».

¹³ Зарисовка следует за признанием повествователя в том, что он оказался чужд революции («с февралевой душой да в октябрьские дела»). Схожее рассуждение, представляющее Октябрь (революцию) как ликвидацию ночи (сна) имеется в повести *Штемпель: Москва* (СС, т. 1, с. 526-527).

Парадоксальным образом этот акт проявления животной воли подталкивает рассказчика, не желающего мириться со статусом заложника исторических событий, к решению добровольно оборвать свое существование. Выбор неоднозначный, но легитимизированный стоической философской традицией¹⁴. А возможно, пример с псом демонстрирует разницу между животным и человеком: пес цепляется за жизнь, а человек, которого переехало колесом истории, способен от нее («жизни собачьей») отказаться¹⁵. Это его единственная возможность распорядиться собственной судьбой. Чтобы выйти из Невольного переулка, нужно покончить с его небытием.

¹⁴ СЕНЕКА, *Нравственные письма к Луцилию* LXX: «Благо — не сама жизнь, а жизнь достойная. Так что мудрый живет не сколько должен, а сколько может. Он посмотрит, где ему предстоит проводить жизнь, и с кем, и как, и в каких занятиях, он думает о том, как жить, а не сколько прожить. А если встретится ему много отнимающих покой тягот, он отпускает себя на волю... Хорошо умереть — значит, избежать опасности жить дурно. По-моему, только о женской слабости говорят слова того родосца, который, когда его по приказу тирана бросили в яму и кормили, как зверя, отвечал на совет отказаться от пищи: “Пока человек жив, он на все должен надеяться”. Даже если это правда, не за всякую цену можно покупать жизнь. Пусть награда и велика, и надежна, я все равно не желаю прийти к ней через постыдное признание моей слабости... Самая грязная смерть предпочтительней самого чистого рабства... Кто захочет, тому ничто не помешает взломать дверь и выйти. Природа не удержит нас взаперти...» (пер. С. А. ОШЕРОВА).

¹⁵ Ср. BOSSUET, Jacques-Bénigne, *Traité de la connaissance de Dieu et de soi-même* (1677) V, 9: «Великая власть воли над телом состоит в том необыкновенном явлении... что только человек является господином своего тела, и может даже пожертвовать им ради большего блага, которое он перед собой полагает... Способность сознательно и разумно решиться на смерть, несмотря на все стремления тела, которое противится такому намерению, указывает на нечто превышающее тело; из всех живых существ это нечто находится только в человеке. Здесь хороша мысль Аристотеля о том, что только у человека есть разум, поскольку лишь он может превозмочь и природу и [общественные] установления». BROCA, Paul, “Discours sur l’homme et les animaux”, *Bulletins de la Société d’anthropologie de Paris*, IIe Série, tome I (1866), p. 67: «Согласно Локку, в наибольшей степени людей от животных отделяет способность абстрагирования. Однако, что как не спесивую абстракцию создает пес, когда ласкается к хорошо одетому незнакомцу, но лает на нищего?.. В качестве сущностной характеристики человека многие авторы предлагают свободу. Так, цитируя Боссюэ, мсье Флуран (с. 104) считает, что только человек свободен настолько, чтобы совершить самоубийство... Что до меня, мне вовсе не кажется доказанным, что животное неспособно на самоубийство...». См. FLOURENS, Pierre, *De l’instinct et de l’intelligence des animaux* (4ème éd., Paris, 1861), p. 104.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАТЕРИАЛЫ ИЗ *ЗАПИСНЫХ ТЕТРАДЕЙ*, ИМЕЮЩИЕ СООТВЕТСТВИЯ В *НЕВОЛЬНОМ ПЕРЕУЛКЕ*

Первая тетрадь СС, т. 5,

- с. 329 ...в натянутых отношениях с жизнью (V. о натяжении веревки висельника).
- с. 329 Жить — это значит втыкать палки в колеса катафалка, на котором меня везут.
- с. 329 Дел по горло, — сказал палач, прилаживая веревку к виселичной перекладине.

Вторая тетрадь

- с. 342 С февралевой душой да в октябрьские дела...
- с. 344 Лъстюга.
- с. 349 Письмо адресовано: «До востребования Господу Богу». Не востребовали. Назад с надписью: «За ненахождением адресата».
- с. 353 Общество трезвости «Красный нос»
- с. 357 Лучше уж красный нос, чем нос по ветру.
- с. 358 *Невольный переулок* (заглавие).
1. О том, что все письма не доходят.
  2. Человек на марке.
  3. Невольный переулок.
  4. Перлюстраторы.
  5. Самому не-ближнему.
- .....
- Почтенный (от — почта).
- с. 359 Все мы живем в Невольном переулке.

- с. 361 Эпиграф из Тредьяковского¹.
- с. 365 Нев<ольный> пер<еулок>. Клепсидра (водян<ые> часы), наполненная спиртом: пить время².
.....
Дергающаяся стрелка.
- с. 366 Слова персонажа: «Вихрь революции сшиб с меня шляпу: будем считать это за поклон»

Третья тетрадь

- с. 372 — Надо подтянуться, — сказали человеку.
— Пожалуй.
Человек намазывает петлю и... подтянулся.
.....
Мир есть сюжет.
Несюжетно нельзя создавать.
Бессюжетность бытия.
- с. 384 Совет висельнику: без мыла в смерть не лезь.
- с. 388 Год — 365 шагов к смерти. Все мы живем на верную смерть.
- с. 389 «Исчезла мелочь» — исчезновение мелочи в широком смысле (мелкого, гибель пустяков)
(К Невольн<ому> переул<ку>).
- с. 395 Алкоголь дает недоданную человеку жизнь, правда, начисляя 40% с его реальной жизни.
- с. 403 М (средний термин): человек.

¹ Эпиграфом к *Путешествию из Петербурга в Москву* (1790) А. Н. Радищева служат слегка измененные строки из *Тилемахиды* Тредьяковского: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя». См. ТРЕДЬЯКОВСКИЙ В. К., *Тилемахида* (1766) XVIII, 514-516.

² См. *Клепсидра*, СС, т. 5, с. 303-306.

Сигизмунд Кржижановский

НЕВОЛЬНЫЙ ПЕРЕУЛОК

(ПАЧКА ПИСЕМ — ОТ ОДНОГО ЛИЦА РАЗНЫМ АДРЕСАТАМ)

1.

Тверская 4 и, кажется, 3.

4-й этаж, слева.

— Шести продолжительным звонкам.

Я познакомился с Вами, проделывая зигзаг вашей узкой и достаточно темной лестницы. На квартирной доске — по белому, врамленному в красное — внизу стояла ваша фамилия. Но я забыл ее, простите. Помню только, что вы шестизвонковый. Это — уже характеристика¹. Первый, по возможности короткий звонок, забирает себе наиболее почтенный жилец квартиры. Обычно, это работник, человек с портфелем. Ему некогда вслушиваться и пересчитывать звонки. После первого металлического толчка о слух, он перестает считать и возвращается к своим цифрам и докладам. Человек о двух звонках уже не существо с портфелем, а существо при портфеле. Оно достаточно почтенно, состоит на сверхпайке², но работает и в сне и в яви³, все двадцать четыре в сутки. Ну, а шестизвонковый жилец, он и не в счет. Это терпеливый человечек, которого терпят за терпение. И только. И я знаю, что вы, терпеливо отсчитывающий ваши шесть, настолько покорны, что долистнете эти страницы непрошеного письма до последней. Это единственное, что мне в сущности надо. Быть выслушанным.

Странная болезнь, скажем — письмомания, овладела мной вот каким образом. Это началось года два тому, когда водка создавала внезапные и длинные очереди, а сдачу с рублей давали почтовыми марками⁴. Я пью⁵. Что меня заставляет пить, спросите вы. Трезвое отношение к действительности⁶. Я стар⁷ — у меня рыже-серые волосы и рыжие зубы, а жизнь юна — следовательно, меня надо смыть, как пятно, вытравить водкой начисто. Вот как.

Утро свое я начинал тогда так. Встав спозаранками, я выходил к перекрестку и ждал. Как охотник на току. Вскоре, а иной раз и невскоре, с той или иной улицы перекрестка показывалась телега, груженная деревянными ящиками. В ящиках — запрятанный под стекло и пробки алкоголь. Я выходил из неподвижности и шел за телегой — куда бы она не поворачивала — вплоть до остановки и разгрузки. Чувство такое, будто почтительно шествуешь за катафалком, на рессорах которого твой же собственный прах.

Но не в этом дело. Дело в марках, которыми платили тогда, по недостатке мелочи, сдачу. Что делать человеку, живущему на отшибе от людей, отодиноченному от всех, с марками? Эти клейкие рубчатые прямоугольнички для общающихся, сросшихся сердцами, вклеивающихся друг в друга. Марок у меня накопилось препорядочное количество. Они лежали в стороне, на отодвиге, у края стола. И просили работы, осмысления. Я как-то — на полпьянии это было — оторвал рубчики от рубчиков и решил (мы, пьянчуги, знаете, не злы) доставить удовольствие марке.

Но кому писать? хоть шаром. И ни конверта, ни почтового листа⁸. Но все-таки я набросал мое первое письмо, сложил бумагу лодочкой, приклеил марку и сверху: «Первому, кто подымет». Затем оставалось открыть форточку и бросить в нее, как в почтовый ящик.

Ну вот, так и повелось. Мы, я и мой соавтор, водка, постепенно пристрастились к эпистолярному делу. Нечто вроде духовной закуски. Не обижайтесь. Впрочем вы, шестизвонковые, и не должны слишком быстро обижаться. Кстати, на каком звонке у вас возникает волнение? На четвертом, или может быть на пятом? Ведь если вы он, то ждете ону, а если она, то ждете она⁹. А я вот стар и никого уже не жду. И ходит ко мне только проклятое онó: вонзится в душу безглазием в глаза, холодом в кровь — и иногда так станет тошно, так захладеет сердце, что вот бы... впрочем, к чему это я. Бутылка до конца. Пойду за другой. По дороге брошу в ящик письмо. А там и меня в ящик. Ну, пока. Точнее — навсегда.

2.

Арбат, 51.

3-й этаж, первое окно слева, у правого подъезда.

Кому бы то ни было.

Нарочно наклеил в шесть раз больше марок, чем нужно, — их у меня хоть на вей-ветер швыряй¹⁰. Авось, почталион смилостивится и не испугается странного адреса.

Я про вас знаю, гражданин кто-бы-то-ни-было только одно: что над подворотней вашего дома цифра 51, и что в самую глубокую ночь, когда тьма перевалит через зенит, и сотня окон вашего нелепого, облого¹¹ дома потухнет, только ваше окно горит¹², пряча свет за белой занавеской.

Я это знаю, потому что люблю гулять по ночам. Очевидно, вы не в дружбе со сном. И когда все уже оддумали свои дневные мысли и расцепили контакты мозговых полушарий¹³, вы продолжаете идти вслед за мыслью. И я тоже. Нас только двое. Знаете, среди многого множества побратимств, есть и такое: братья по свече. Это из старины. Когда людям не хватает полушек¹⁴, чтобы купить обетную свечу¹⁵, они покупают ее, сладившись¹⁶, и держат ее вместе, пальцы к пальцам. Так вот, мы с вами братья по свече. Друзья по негаснущему думанию. Хотя и не знаем друг друга, ни разу не видели один другого, и вряд ли увидим.

Итак: люблю гулять по ночам. Днем, когда пространство заполнено лучами солнца и по всем излучениям города кружение колес и дёрги шагов, время слабо ощутимо. Оно — лишь тень пространства. Но вместе с ночью, когда вещи, живые и мертвые, бездвигутся, тень выступает на место вещи, тем самым оттесняя ее в сны, в тенеподобную жизнь¹⁷. Над пустыми улицами горят циферблаты часов. И время, шевеля остриями черных стрел, как вот я сейчас отрием пера, вписывает свои мысли в тьму.

Наше время — это время времени. Мы отказались от захвата пространств, от аннексии территорий. Но мы захватили себе время, аннексировали эпоху. И эта новая социалистическая собственность должна быть тщательно и додонно изучаема. Я это делаю, как умею.

Глубокоуважаемое негаснущее окно, я часто беседую с вами, стоя на противоположном тротуаре. Никто нам не мешает, кроме

редких голосов пьяниц и набегающего грохота ночных грузовиков. Время мне представляется то вихрем секунд, то водопадом, падающим вниз: в грядущее¹⁸. Если у ветра секунд хватило баллов, чтобы сорвать с меня шляпу (а иным это стоило сорванной головы), то значит ли это, что я раскланялся с революцией? Вот в этот вопрос — как капля в камень — и вдалбливаются все мои мысли.

Сейчас надо жить, распрямясь во всю душу. Уровень жизни так поднялся, что подбирается к горлу. Легко стать утопленником смысла. Но что делать тем, чья душа старчески ссутулена? Или горбатуму? Обращаться — как консультирует пословица — за помощью к могиле?¹⁹ Очевидно, так.

Вы не отвечаете, окно. Вы молчите светом. Хотя как-то на днях мне показалось, что я получил от вас, именно от вас, строку в три слова. Строка золотилась круглыми буквами по черной дощечке: «Уходя, погаси свет»²⁰.

3.

Почтальону.

Товарищ почтальон, это письмо не надбавит шагов к вашей ходильной работе и не сделает вашу сумку тяжелее ни на единый грамм. Боюсь, только, что привычка носить письма заставит вас отнести и эти строки к себе на квартиру. Но я советовал бы вскрыть его немедленно, прочесть и выбросить: в ближайшую урну.

Я очень уважаю труд почтальона. По-моему, между словами «почта» и «почтенная» есть даже какое-то родство. И всё-таки, я утверждаю — только не торопитесь обижаться — что ни одно письмо ни до кого, никогда и ни разу не дошло. Полностью. До последнего своего смысла.

Разумеется, я не хочу этим хоть в самой малой степени порочить работу почтальона. Почтальон добросовестно стучится в дверь. Но стучать в сердце и достучаться до него — это не входит в круг обязанностей письмоносца.

Почтальон вручает конверт. Но уверяю вас, что письму со штемпелем «Владивосток», врученному в Москве, предстоит гораздо более длинный путь, чем тот, который оно уже пределало.

Мы ликвидировали, или почти ликвидировали неграмотность. Это очень хорошо. Кто спорит? Но что мы сделали для ликвидации духовной неграмотности? Ведь все мы понимаем друг друга по словам, еле-еле, не умеем читать чужое чувство, суть, спрятанную в букве.

И всё-таки, я угадываю в вас, мой случайный адресат, некое ощущение обиды, а то и скуки, которая вот-вот — через секунды — швырнет мое письмо прочь. Потерпите еще пару строк. Дело в том, что по мере того, как в чернильнице — капля за каплей — убывают чернила, в пишущем — рюмка за рюмкой — прибывает водки. Вы сами, вероятно, иной раз не прочь. Ваше здоровье. Недавно, после двух флаконов, я взял да и написал открытку Господу Богу. Так и заадресовал: «Богу. В собственные руки. Ей-богу. И идя за третьей скляницей²¹ опустил открытку в ящик. Проспавшись я и забыл о ней, но она обо мне нет. Через два дня получаю письмо обратно со штемпелем: «За ненахождением адресата». Скажите после этого, что наша почта не четко работает. Ваше здоровье.

Но о чем бишь мы? Ах, да, о конвертах. Мысли бояться солнца, оддергиваются от нахлеста лучей. Впрочем и я, кажется, нахлестался. Перед глазами рябь какая-то и прыг пятен. Да, сперва мысль под теменем, в костяном конверте, потом в бумажном конверте. И легче проломить костяной, чем вскрыть — пойми ты, вскрыть — бумажную кожуру до... Фу ты черт, мысли шатаются, как пьяные. И чернильница почему-то на полу. Чернильница. Не догнусь. А перо всхт-²².

4.

Невольный переулок, д. 16, кв. 1.

Госспирты²³ стали открываться почему-то только в 11. Вышел в 10 и принужден был бродить, пока не снимут железной решетки. Сперва пошел по Варгунихиной горе и постоял рядом с обезглавленной единоверческой церквушей²⁴. Внизу, где раньше был голый берег, теперь веселый зеленый сквер. Если всмотреться, за Москвой-рекой и за Бережками виден черный циферблат Брянского²⁵. Золотая стрела тянула по его кругу минуты медленно и натужно, как носильщик, работающий сразу на двоих пассажиров. Потянуло

ветром. Я повернул ему спину и вошел в Варгунихинский переулок. Несколько коленчатых поворотов²⁶ и неожиданно для себя я очутился в незнакомой улочке, обставленной одно и двухэтажными домиками. Ничего в ней не было, останавливающего внимание. Как и все другие. Только вот название — белыми буквами по синему фону: «Невольный переулок».

Вас еще нет здесь, человек, которому пишу. Нет уже потому, что домов у переулка всего четырнадцать, а № 16 только строится, растет кирпичами вверх. Мне не хочется, чтобы это письмо дошло слишком скоро. Пусть оно доберется до ваших глаз вместе с будущим, о котором сейчас думаю.

Невольный переулок: четырнадцать с половиной домов, а вот мне показалось — на минуту показалось — будто длиннее он²⁷, выкручивая колена из колен, сквозь всю Россию, и будто не счесть невольных вселенцев его, таких вот как я. Ведь я и мне подобные, а нас не так уж мало, все мы живем в Невольном переулке истории.

Что мы сделали, чтобы пришла Она, вы знаете о чем я говорю. В лучшем случае мы выкликали ее, как в деревнях выкликали весну. Веснянками²⁸. И веснянкам нашим нужна была в сущности так, веснишка. А пришла весна, пугающе юная, настоящая весна. Цветение её слишком ярко для наших глаз. И мы прячем глаза под консервы²⁹. «Оханьем поля не перейти»³⁰ — а мы хотели перейти его именно.... оханьем. В то время, как другие, подымая на плечи тяжелые плиты дней, мостили ими дорогу в революцию, подлинную дорогу гигантов, мы отрывали календарю легонькие листочки, изредка лишь взглядывая на сколько секунд прибавилось солнце и что на сегодня предлагает отрывной: бульон с гренками или раковый суп.

Да, какой может быть праздник в Невольном переулке. Невольный. Какая радость? «Нечаянная», как озаглавил её еще Блок³¹. А жить можно только чайным, бытие с чужого плеча — небытию сосед. И все мы, как это учили нас в школе, — «возле», «ныне», «подле». А что подлее «подле»? Из него «вчужье». Это для меня стало теперь — «после» — «въяве», и исход лишь в том, что — «вкратце», «вскоре»³²... Но зачем об этом так вот, «вообще»...

5.

Человеку на марке.

Вот я вижу вас в вашем зеленом бумажном окошечке. Ваши плечи выдвинуты над рубчатым подоконником, а поднятая вверх голова охвачена суконным шлемом³³. Вот я вас приклеиваю к письму вам же адресованному. Я, человек не умеющий ни к чему приклеиться. Безклейное существо. Безклейное, но келейное.

Я завидую вам. Это благородная профессия: отдавать жизнь не минутами и не часами, а сразу всю, не раздробью, а целиком. Загородить своим трупом свое от чужого. Я тоже, собственно, кандидат в трупы. Потому, что живой перегораживаю дорогу своему к своему. Логика требует: убрать³⁴. Но кроме логики есть еще и...

Сперва, когда это случилось, пробовал вместе с другими. С вами. Голосовал, заседал, говорил речи, одним словом — во все открытые двери. Но как-то рабочий один, лицо у него было похоже на ваше, отслушал одну из моих речей и сказал: «с февралевой душой, да в октябрьские дела»³⁵. Занозил он меня. Обидно. Но обиднее обиды то, что верно.

Конечно, было много и другого. Не сразу я понял, что вот скачу задом и передом, а дело своим чередом³⁶. Ну а там руки плетью³⁷. И к чему, в самом деле, вставлять палки в колесо катафалка, на котором тебя везут. От людей я отошел и завел дружбу с бутылкой. Пью.

Теперь даже детишки с нашего двора, увидев меня, кричат: «дяденька красный нос».

Ну что ж, лучше красный нос, чем нос по ветру. Как вы полагаете, человек на марке?

6.

Арбат, 51. 3-й этаж.

Негаснущее окно у правого подъезда.

Я опять к вам, окно. Наверное, вы писатель. Кому другому бодрствовать у ночной лампы. Признаться, я не люблю наших писателей. Одинаковые какие-то и все про одно. Жизнь выбросила уйму тем, сюжет на сюжете и сюжетом погоняет. А они трусят сюжета. Только у них и темы, что, мол, не те мы³⁸. Правильно. Ну а дальше?

Чернильницей, вы, писатели, пользуетесь так, как осьминог своим чернильным мешком: для самозащиты. Замутит свое вокруг и «отмежевался». И каждая последующая книга удирает от предыдущей. С осьминогим проворством.

В общем не то литература, не то игра в пёрышки³⁹ и пятнашки: чуть пошалил пёрышком, сейчас тебя и запятнают. И опять сначала.

Но у вас, наверное, свое окно в мир и вы поймете меня.

Сам я, разумеется, никакой не писатель, а так... записыватель. Если какой-нибудь образ увяжется за мозгом и начинает преследовать меня, я иду на него с пером, как с рогатинкой. Вот, например, выписываю подряд⁴⁰, не пробуя суразить несурязицу:

— Подтянитесь, — сказали человеку. «Хорошо», ответил тот, пошел и повесился.

Покойный был лстыога. Он даже и в петлю попробовал без мыла пролезть.

Сначала повесничал, а после повесился.

Не будет преувеличением, если сказать о висельнике: он в натянутых отношениях с жизнью.

Ну и так далее, около дюжины вариантов: вроде вариаций Шуберта на тему⁴¹. Сижу и придумываю, пока не перепротивно противное. Тогда легче как-то. Но вам, другу бессонниц, я хочу предложить одну тему. Пожалуй, даже две. Не откажитесь от скромного подарка. Ведь всякая мысль, всякий замысел тянется к форме. У меня её нет. Но там, под желтым светом вашей лампы, авось замыслам не будет отказано в том, о чем они просят.

Первая тема, в сущности, и не придумана, а наблюдена. Ещё в молодости я знал одного любопытного старика крестьянина. Звали его Захар. Про свою старость — а было ему под 80 — он говорил, что она обижает его. Именно обидчивое отношение к своей немочи, к грузу годов, отнявшему возможность работать в поле и по хозяйству, заставило Захара покинуть избу и разросшуюся семью и уйти в сторожа. Сторожил он где-то под городом, на складах⁴². Работа не требовала мускульной силы (тряси колотушкой и только). Нужна была лишь способность бодрствовать: от всех вечерних до

всех утренних зорь. Старик и так спал чрезвычайно мало, легким и будким сном. Теперь, честно выполняя обязанность, он стал жить на сплошном бдении.

Во время ночной работы он иной раз как бы прикручивал фитиль сознанию, но никогда не гасил его. С первым брезгом⁴³ старик проделывал несколько вёрст, отделявших склады от его дома. Здесь он тоже никогда не ложился. То присядет на завалинке, подставляя голову теплому солнцу, то помогает сыну в какой-нибудь легкой работе, то подшивает лапоть, штопает валенок или одежду. А с вечерними сумерками опять на работу.

Я был тогда молод, платил сну третью жизни — полностью, и для меня был крайне занимателен и непонятен этот своего рода феномен. Не раз я спрашивал Захара, как ему удается жить врозь со сном. Старик, ясно улыбаясь, отвечал: «А что спать-то по мелочам? как-нибудь завалюсь и сразу на веки веков».

Взгляд у Захара был очень зоркий, острый. Он различал породы птиц, присаживающихся на дальних нитях телеграфных проводов. Казалось, несмежаемость глаз надбавляла им силы, а непрерывность сознания уменьшает его рывкость, дает какое-то преимущество перед другими сознаниями, каждодневно обрываемыми сном и снова стягиваемыми узлом при пробуждениях.

Захар говорил мало, но всегда веско и точно. Если ему прекословили, зомолкал. Молчал он как-то сверху вниз.

И вот однажды, отсторожив ночь, Захар вернулся — как обычно — к своим. Сперва он посидел под стылым осенним солнцем. Потом, по просьбе сына, взялся за одну из ручек пилы, чтобы помочь ему распилить тележку⁴⁴. Зубья заходили было, разрывая древесные нити, как вдруг старик отвел руку, отошел к крыльцу и только с порога повернулся к удивленному сыну:

— Иди за попом. Сегодня засну.

Сын стоял оторопело на месте.

— Ну чего испугался, дурак? Делай, что говорят.

Вскоре пришел священник. Захар, успевший одеть чистую рубаху, исповедался и причастился. Сделал распоряжения по хозяйству: починить свинную кровлю до дождей, подоткнуть забор, чтобы ветром не сносило. Затем сел на завалинке. Домашние и соседи опасно оглядывали старика. Ходили в полшума. Кто-то спросил его: не перейти ли в избу. Старик не ответил. Он слегка поклевывал носом, и

тугая зевота растягивала ему рот. Сперва он подоткнул голову локтями. Но так было неудобно. Прилег вдоль завалины и разогнул ноги. Лицо его было повернуто к холодному осеннему солнцу.

Жена робко подошла к спящему:

— Захар Егорыч, пошел бы на полати. Захолодит тут тебя.

Не слыша ответа, она притронулась к опавшей руке спящего. Действительно, его уже захолодило: смертью.

Ну вот вам одна тема. Может, не побрезгуете. Ну, а другая, не знаю, стоит ли... Лучше отложим. Устал. Если факт мой подойдет вам, советую подлитературить его, кое-что соскоблить, убрать. А то еще какой-нибудь дурак скажет: мистика.

Кстати, давно собираюсь спросить: соседи ваши — за то, что жжете столько электричества — наверно учиняют вам склоку?

7.

Адрес тот же.

Другая моя тема: обо мне. Прилагаю несколько копий моих писем. Написал их по памяти: большинство завалилось в беспамятье. Материала, конечно, мало. Но всё-таки. Заглавия не подсказываю, сами лучше моего придумаете, но мне, персонажу, хотелось бы: Невольный переулок.

Письмо это — последнее. Больше не буду беспокоить. Всё бы это, может быть, тянулось бы и тянулось, если б не один пустячнейший случай.

Сегодня утром видел, как в сумятице колес раздавило автомобилем пса. Выдавило кишки и... но не в этом дело. Пес был еще жив. Ему оставалось несколько секунд. Породистый, сильный зверь. Он встал на качающихся ногах, вытянув вперед залитые кровью глаза. Хозяин бросился к нему. Вслед за ним и еще несколько прохожих. И в ответ на протянутые руки пес стал кусать, яростно кусать всё что ни попадало под зубы. Круг людей испуганно расширился. Пёс, издыхая, продолжал лязгать зубами. Его слепнувшие глаза видели перед собой смерть, неминуемую смерть, и он защищался. Защищался до последнего. Мудрый зверь. Потом короткая конвульсия, и все.

Я тотчас же вернулся домой, так и не дойдя до госспиртовой вывески. Невольный переулок пройден. Теперь я не неволен. И сегодня я чокнусь с судьбой. Но в рюмке моей будет не водка: другое⁴⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. *Красный снег* (СС, т. 5, с. 148): «На двери дощечка: «врачу Бухгалтеру — три раза, Ю. Ю. Тишашеву — два раза, Безносенко — один раз, И. Я. — ни разу». Рука Шушашина в нерешительности описала круг около звонковой кнопки: интересно бы взглянуть на этого И. Я.; только как до него добраться?».

² *Сверхпакет* — обычный пакет плюс дополнительные продукты.

³ В машинописи «и в сне в яве». Быть может, эта поговорка заимствована из Собр. соч. Платона в пер. В. Н. Карпова (об этом см. в нашей статье *выше*).

⁴ Ср. ЧЕХОВ А. П., *Письма* (1886): «В редакцию “Радуги”... Имею честь просить уважаемого г. Мансфельда сочинить мне для домашнего обихода четыре комедии, три драмы и две трагедии погамлетистее, на каковой предмет по изготовлении их вышло три рубля. Сдачу прошу переслать почтовыми марками... Полковник *Кочкарёв*». В России, как правило, почтовые марки заменяли мелкую монету во время нехватки последней. Так, во время Крымской войны марками выдавали сдачу с рубля. В годы Первой мировой и до 1917-го г. для этого использовались почтовые марки копеечных номиналов из юбилейной серии, выпущенной в 1913 г. к 300-летию юбилею династии Романовых. Надпись на них гласила, что они имеют хождение наравне с медной или серебряной разменной монетой. Следующий разменный кризис относится к началу 1920-х и, в основном, был преодолен к началу 1925 г. В 1942 г. магазины в Красноярске, Ачинске, Канске, Абакане давали сдачу почтовыми марками.

⁵ Ср. написанное в 1920-х гг. письмо Л. Крюгер, киевской знакомой Кржижановского (РГАЛИ, ф. 2280, оп. 1, ед. хр. 87): «Я так рада, что Вас повидала, что познакомилась с очаровательной Анной Гавриловной. Но как я Вас не люблю, я нахожу, что Вы ее не стоите, а не стоите из-за Вашей отвратительной (простите откровенность) склонности. Вы знаете, о чем я говорю. Зима, милый, бросьте это, возьмите себя в руки, ведь Вы себя губите...». См. письма Кржижановского к А. Г. Бовшек: «Мыслям (в летние месяцы) вход в мою голову строго воспрещается, — если какие и протиснутся под темя, немедленно заливаю их водкой» (19. 07. 1931); «В магазинах по-прежнему ни капли водки: а ведь мозгу необходим хоть какой-то малый % иллюзий» (16. 07. 1932); «Пью значительно меньше, стараясь заменять водку легким столовым вином. Я понял, что это необходимо, иначе нервы не выдержат и работа кракнет» (04. 08. 1933); «Пью микстуру — и самочувствие мое значительно лучше. Стараюсь помогать этому, переходя с водки на красное вино. Это стоит дороже, но здоровье еще дороже» (20. 06. 1938).

⁶ Ср. БОВШЕК А. Г., *Глазами друга* XII, о Кржижановском во втор. пол. 1930-х гг.: «Ни явь, ни сон не давали ему покоя, алкоголь стал для него необходимо-стью. Когда его спрашивали, что привело его к вину, он говорил, отшучиваясь: “Трезвое отношение к действительности”». Тот же каламбур см. в музыкальной комедии *Поп и поручик* (1934–1938), РГАЛИ, ф. 2280, оп. 2, ед. хр. 22 и 23.

⁷ К 1930-му г. автору исполнилось 43 г.

⁸ *Почтовый лист* — специальный лист бумаги, который можно было сложить и отправить без конверта.

⁹ В машинописи ударения отсутствуют. Скорее всего, автор склоняет местоимение «он» по образцу существительного «дон» (им. пад., м. р. «дон», ж. р. «дѡна»; вин. пад., м. р. «дѡна», ж. р. «дѡну»). Ср. ПУШКИН А. С., *Каменный гость*: Дон Гуан: «...Он Дону Анну взаперти держал». В теоретических работах Кржижановский пишет о доне Армадо из комедии Шекспира *Бесплодные усилия любви*. Как и в *Невольном переулке*, «дон» ассоциируется с эпистолярной активностью, которая достойна смеха, выпренна, глупа и пр. Ср. *Комедиография Шекспира*, СС, т. 4, с. 180-181: [Костард] «сует любовное письмо № 1 не в те руки... В той же пьесе... странствует, тоже не попадая по своему адресату, другое письмо (№ 2), сочиненное выпренне глупым доном Армадо... Многозначность дон Армадо опережается более краткими любовными предложениями его соперника...»; *Фрагменты о Шекспире*, СС, т. 4, с. 381: «Раскроем письмо великолепного дон Армадо, написанное полуграмотной простушке... Пока выпренный автор пишет это письмо... он превращается в человека, перед которым откатывается трап, ему уже не взойти на корабль». В то же время, фонетически слово «ѡну» отсылает к ц.-слав. местоимению — личному (ѡнѡ) или краткому указательному (ѡна), что создает дополнительные смысловые обертоны в контексте прочих случаев использования в рассказе старых лексических форм («ѡбло» или правила на правописание ятей). Рассматриваемые строки могли бы выглядеть так: «Если вы ѡна, то ждете ѡнѡ, а если ѡна [или ѡнѡ], то ждете ѡного... И ходит ко мне только проклятое ѡно [или ѡнѡ]» (благодарю А. И. Грищенко за консультации относительно церковно-славянского языка). Схожее словотворчество встречается у Кржижановского в рассказе *Страна нетов*, в котором повествуется о несуществующих жителях несуществующей страны: «нѣт влечется к нѣте, не зная, что нѣты нѣту» (СС, т. 1, с. 266). Заметим, что здесь тоже присутствуют дополнительные смысловые отзвуки, поскольку «Нетой» в письмах Кржижановский именует свою жену Анну (ср. Аннета, Неточка Незванова у Ф. М. Достоевского).

¹⁰ Ср. ДАЛЬ В. И., *Пословицы русского народа в двух томах*, изд. 2-е, т. 1, раздел «Язык-речь» (СПб. – М., 1879), с. 522: «Это на вей-ветер сказано»; *там же*, с. 530: «Он на мах (на ветер, на вей-ветер) слѡва на молвит»; *там же*, т. 2, с. 430: «Вей по ветру».

¹¹ *Облыи* — тучный, неповоротливый. См. ТРЕДИАКОВСКИЙ В. К., *Тилематиха* (1766) XVIII, 514-516:

И напоследок, нежели тотъ преужасный-Песь Керверь,
 Чудище обло, озорно, огромно, съ тризвнной и-Лаей,
 Из челюстей что-своихъ кровь-блуетъ ядовиту и-смольную...

(Сочинения Тредьяковского, т. 2/2, издание Александра Смирдина [СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1849], с. 576).

Вариацией на эти строки является эпиграф, которым А. Н. Радищев предварил свое *Путешествие из Петербурга в Москву* (1790): «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лай!».

¹² О горящем ночью окне см. в рассказе *Красный снег*.

¹³ Ср. *Красный снег* (СС, т. 5, с. 155): «Лежа лбом к стенке, он пробовал слабеющими мыслями развязать и сбросить с себя день... Но связи путались и стягивались узлами, и тесный день продолжал охватывать мозг».

¹⁴ *Полушка* — название мелкой монеты (чаще всего равнялась 1/4 копейки). Последние полушки отчеканены в России в 1916 г.

¹⁵ *Обетную свечу* — по народному календарю на Украине, в Белоруссии и в западных областях России 15 февраля отмечали («Громницы»), праздник встречи зимы с весной, посвященный языческому богу весны Громовнику. Весну в этот день встречали песнями-веснянками. Праздник, связанный с культом огня, совпадал с православным праздником Сретения Господня, заменившим поклонение огню на чествование свечи. Несколько дворов в деревне объединялись, чтобы топить воск на общинную свечу, которая именовалась также обетной. В праздничную ночь процессия с общей иконой и общей обетной свечой по очереди обходила все избы. Громничная, или сретенская, свеча обычно наращивалась несколько лет подряд. Когда она достигала пуда... ее сдавали в церковь. Свечу могли попросить, чтобы отслужить молебен на дому, причем за очередностью таких просьб строго следили. Громницу давали в руки покойнику в минуту кончины, чтобы ее пламя помогло человеку в загробных мытарствах. Дольше всего почитание свечей сохранялось в Белоруссии, у русских этот обычай утрачен. — См. «Громницы», *Википедия* (ru.wikipedia.org [июль, 2012]).

¹⁶ В машинописи: «слодившись», что допускает вариант «сложившись».

¹⁷ Ср. стихотворение С. Д. Кржижановского *Magnus Contemplator* (ок. 1918): «Quod est finalis Causa? — он пишет, / И видит: тени пали от идей; / Из теней мы. И нас в волнах кольшут / Удары Логоса немеркнувших лучей», написанное под влиянием строк Вл. Соловьева (1895): «Милый друг, иль ты не видишь, / Что все видимое нами — / Только отблеск, только тени / От незримо-го очами?» Тема противостояния и переплетения нумена и феномена, вещи и тени, реальности и сна проходит сквозь все творчество Кржижановского. Ср. *Страна нетов* (1922), СС, т. 1, с. 266: «...нельзя сказать с уверенностью, существует ли тенное тело или не существует. Правда, неты учат своих малых нетиков, что тени отбрасываются какими-то там вещами, но если рассудить здраво, то нельзя с точностью знать, отбрасываются ли тени вещами, вещи ли

теньями — и не следует ли отбросить, как чистую мнимость, и их вещи, и их тени, и самих нетов с их мнимыми мнениями»; *там же*, с. 276: «Я покинул нетовую страну, где тени отбрасываются вещами, а вещи отброшены теньями... Снова пересек я миры: мир теней без вещей; мир вещей, оброненных теньями; мир теней, трусливо дрожащих у подножия вещей (здесь я окончательно простился с моими знакомцами нетами), — и наконец достиг страны, где вещи без теней: здесь все было залито не покидающим зенита светом»; *Философема о театре* (1923), СС, т. 4, с. 50-51: «Но вещи, которые легко мыслимы без теней, которым тени для их бытия не нужны и излишни, все же неизменно обрастают движущимися пятнами теней. Нумен, вещь в себе, которой достаточно себя для себя, все же вопреки всяким логикам и мыслимостям, обрастает феноменами... Брошенные из мира сутей в мир возникающих и никнущих явлений, мы продолжаем относиться к ним, как к сутям: свои представления принимаем за вещи. Но переставив их с земли на помост сцены, из мира явлений в мир явления явлений, мы и относимся к представлениям, как к “представлению”, не ища за этим сном во сне никаких вещей»; *Штемпель: Москва* (1925), СС, т. 1, с. 532: «Тени, в отрыве от вещей, быт в отрыве от бытия — бессильны и мнимы. Ведь быт — “и я” бытия; своим “я” он не богат. И если уж отрывать от вещи тень, от бытия быт, то незачем останавливаться на полпути; надо, взяв быт, оттяпать ему его тупое “т”: бы — чистая сослагательность, сочетанность свободных фантазмов, которые так любит А. Грин, — вот первый выход из мира теней в мир прихотливой романтики; бытие, в которое, как слог, как ингредиент, включен быт, — вот второй выход из “обители теней”: он известен, пожалуй, лишь одному Андрею Белому»; *Боковая ветка* (1927–1928), СС, т. 1, с. 491: «Леди и джентльмены, сны и сны, / Солнце — лишь грош из рваной сумы... / Жизнь — стлань теней, лёт лет над Летой. / Уснуть-умереть: “За власть поэтов”»; *Швы VI* (1927–1928), СС, т. 1, с. 407-408: «Мне позволены только тени от вещей; вещи вне моих касаний... Мне невыгодно, понимаете, невыгодно повторять вслед за всеми: тень отброшена вещью. Нет, в моем минус-городе, в призрачном, минусовом миреке имеют смысл лишь минус-истины, — лишь упавшая на свою вершину правда. Следовательно: вещь отброшена тенью... Если оттуда, из иного мира, не дано мне ничего, кроме поверхностей, теней, лжей и обложек, то и я вправе заподозрить, что под всеми их обложками — лжи, и что все их вещи — тени моих теней»; *Сэр Джон Фальстаф и Дон-Кихот* 4 (1936), СС, т. 4, с. 346: «Дон Кихот бьется за иллюзии, за сны против яви. Сэр Фалстаф... знает, что пробуждение всегда побеждает сон, что не тени, как бы ни прекрасны были они в своем силуэтном контуре, отбрасывают вещи, а вещи отбрасывают тень... Иллюзии Фальстаф противопоставляет иронию, теням — реальные... вещи»; *Фрагменты о Шекспире* (1939), СС, т. 4, с. 375: «Дон Кихот рассказывает раскрывшим рты от изумления слушателям о тенях людей, населяющих таинственную пещеру. Тени эти, однако, действуют по закону солнца»; *там же (Шекспир и пятиклассник)*, с. 383: «Раньше казалось все так просто: вещи отбрасывают тени, а теперь получилось: тени отбрасывают вещи, а может быть, вещей и вовсе нет, а есть лишь “вещи в себе”. Но как же тогда существуют тени? И значит, “я” — тень...».

¹⁸ Таким образом, в представлении автора время течет из прошлого в будущее, сверху вниз.

¹⁹ Ср. «Горбатого могила исправит». — ДАЛЬ В. И., *Пословицы*, т. 1, с. 445: «От старости зелье — могила», *там же*, с. 551: «От старости — могила лечит...», *там же*: «Упорного вылечит дубина, а горбатого могила».

²⁰ Ср. *Фрагменты о Шекспире*, СС, т. 4, с. 358: «В сущности, все сокращенные заглавия, которые мы читаем над входом в автобус, в магазин, в библиотеку, в музей, — всегда содержат в себе момент заглавности: “Уходя, гаси свет” (пригодно для новеллы о фашистском режиме) — ... “Столовая закрыта на обед” (комедийный сюжет времен НЭПа) — “Остановка по требованию” (тема самоубийства)». Ср. *Красный снег*, СС, т. 5, с. 152: «Шушашин хотел было толкнуть дверную ручку, но дорогу ему перегородил кусок картона, подвешенный на шпагате: “Столовая закрыта на обед”».

²¹ *Скляница* — штоф, бутылка для вина или водки. Ср. ДАЛЬ В. И., *Пословицы*, т. 1, с. 277: «Охоча старіца до скляницы».

²² Автор намеренно сделал это последнее слово на стр. 6 машинописи неразборчивым и оборванным. Оно составлено из четырех случайных букв и добавленного к ним знака переноса. Следующая, пронумерованная седьмая страница исправно начинается следующим, четвертым письмом.

²³ Центральное управление государственной спиртовой монополии (Госспирт) ВСНХ РСФСР (1918–1925 гг., Москва). В 1918–1921 гг. именовалось Центроспиртом и Главспиртом, с 17. 12. 1921 г. переименовано в Госспирт. Учреждено для того, чтобы на началах государственной монополии производить, хранить и реализовывать этиловый спирт и спиртопродукты. Ликвидировано 8. 07. 1925 г. Ср. газета *Псковский набат* (6. 10. 1925): «Продажа водки началась вчера в городе... У магазинов Госвинсиндиката и Госспирта стояли громадные очереди».

²⁴ *Единоверческой церквушей* — ц. Николая Чудотворца Николо-Смоленской старообрядческой общины, построенная в 1914–1915 гг. Закрыта в 1931 г. (здание передано под клуб завода «Напильник»), снесена в конце 30-х годов. Варгунихина гора находилась на Смоленской набережной рядом с Бординским мостом (срыта после войны).

²⁵ *Брянский вокзал* — после 1934 г. переименован в Киевский.

²⁶ Ср. ветер, несущий рассказчика по переулкам, в *Красном снеге*.

²⁷ Ср. БЕЛЫЙ А., *Африканский дневник* (1911): «На желтеющем башенном кубе рождается в небе песков — удлинение башенки...; то — все минарет; он трехъярусен: принадлежит он, должно быть, мечети, которой второй минарет (однорушный) просто *длиняется* под бурое облако пыли».

²⁸ *Веснянки-заклички* — календарные обрядовые песни у украинцев, белорусов и части русских. Ср. *выше*, примеч. 15.

²⁹ *Консервы* — очки-консервы (goggles), защитные, облегающие очки.

³⁰ Ср. Мухослон, СС, т. 1, с. 219: «Душа мухи порешила так: “Оханьем поля не перейти”».

³¹ БЛОК А., *Нечаянная Радость. Второй сборник стихов* (М.: Книгоиздательство «Скорпион», 1907).

³² Обыгрываются наречия на букву ять, которые гимназисты должны были заучивать наизусть. Ср. *Материалы к биографии Горгиса Катафалаки 2* (1929), СС, т. 2, с. 267: «Никакие отсихпоры и досихпоры, “возль – нынть – подль – послъ”, заколачиваемые учителями, точно тугие пыжки, в мозг Горгиса, не держались в нем никак». Ср. также ГОВОРОВА Вера Андреевна, *Из дневника* (о годах обучения в гимназии уездного города Севска): «Хорошие учителя у нас были редкостью. Вот, например, Венедиктова, учительница русского языка, гроза гимназисток 1-4 классов... Требует зубрежки всех правил грамматики. В классе мёртвая тишина. Вот она открывает журнал, поднимает руку с пером и держит её над фамилией вызванной, как дамочков меч над головой девочки. Потом вопрос к ученице, например, “Назови наречия на букву ять”. Наверное, до смерти все её ученицы будут помнить это правило из грамматики Пуцыковича. Помню его и я: “Возль, нынть, подль, послъ, вчужсть, въявь, вкратцъ, вскорть, вьрно, рьдко, непремънно, гдъ, отъмънно, внъ, совсьм, слъва, нтъкогда, нигдъ, нигдъ кромъ, вдалькъ и вдвойнъ, вчернъ, соборнъ да пъшком, наединъ. Оттолъ, отсель, отколъ, дотолъ, досель, доколъ”. Стоило девочке на секунду остановиться или переставить слова, как уже в журнале стояла жирная единица, и вызывалась следующая жертва, — публ. http://blogs.mail.ru/mail/bookmg/163134C01_BA8AEE5.html (июль, 2012); ЗАБУРИН В. Я. (1895–1938), *Два мира* (1921): «Колпаков лежал в беспамятстве... [Он] плакал в бреду, как мальчик. — Иван Иванович, за что вы мне двойку поставили? — умоляющим голосом, всхлипывая, спрашивал больной. — Ведь я же знаю все наречия на ять. Колпаков бормотал, как школьник, хорошо ученный урок: — *Возль, нынть, подль, послъ, гдъ, отъмънно, внъ, совсьм, вдвойнъ, втройнъ, вчернъ, наединъ*. Иван Иваныч, я и на “е” знаю, поставьте мне три, ну хоть с минусом. Иван Иваныч, — молил больной офицер. — *Вовсе, прежде, еще, крайне, втуне, вообще*. Коренные слова знаю, знаю, — вдруг весело закричал Колпаков и зачистил: — *Бълый, блъдный, бъдный бъсь побъжал за рьдъкой в лъсь...* Ой, папа, не бей! Я не останусь на второй год. Я выдержу переэкзаменовки. Больной снова заплакал. Мотовилов молча ел. Бред Колпакова напомнил ему то время, когда он учился в кадетском корпусе»; ВАСИЛЕНКО И. Д. (1895–1966), *Жизнь и приключения Заморыша* (М.: Дет. лит., 1964): «Я сел за уроки. Решал задачи, переписывал в особую тетрабочку наречия с буквой ять — *возль, нынть, подль, послъ, вчужсть, въявь, вкратцъ, вскорть*»; СКРЕБИЦКИЙ Г. А. (1903–1964), *От первых проталин до первой грозы*: «Ну, дурёха, вызубрила? Отвечай наречья! — *Возль, нынть, подль, послъ, вчужсть, въявь...* — начала взрослая девица сначала громко, потом всё тише и тише».

³³ Скорее всего, имеется в виду марка «Красноармеец» — одна из первых стандартных марок СССР. Выпускалась в 1923–1927 гг. номиналом от 1 коп. до 5 руб. золотом. На марке — профиль красноармейца (изображение основано

на бюсте работы И. Д. Шадра, запечатлевшего характерный физиогномический тип, см. <http://karuchin.livejournal.com/553117.html> [июль, 2012]. См. также: *Почтовые марки России и СССР (1857–1991 г.г.). Специализированный каталог, т. 2 (РСФСР, СССР 1923–1960 г.г.)*, сост. и ред. В. Ю. СОЛОВЬЕВ [Ред. 2006 / 07] (М.: ИзДАТ, 2006), с. 22–27.

³⁴ Ср. *Бернард Шоу, его образы, мысли и образ мыслей 5* (1935), СС, т. 4, с. 536: «Вывод, умозаключение “S” есть “P” несет в себе все термины посылок, за исключением среднего (M), из вывода как бы выпадающего... В школьном примере первой фигуры силлогизма: все люди смертны (большая посылка), Кай — человек (малая посылка), следовательно, Кай смертен (вывод). В выводе выпадают “люди, человек”»; *Красный снег* (1930), СС, т. 5, с. 158: «Если ваш талон M не отрезан, можно получить средние термины. Торопитесь, термина может не хватить... Средний термин предположено, в целях рационализации, унифицировать... Ведь M в “S есть P” все равно никогда не попадает, следовательно, не все ли равно, какое оно там».

³⁵ Противопоставлены Февральская (буржуазно-демократическая) и Октябрьская (большевистская) революции 1917 г.

³⁶ ДАЛЬ В. И., *Пословицы*, т. 1, с. 239: «...скачет баба и задом и передом, а дело идет своим чередом».

³⁷ *Руки плетью [повесить]* = смириться с обстоятельствами, отказаться от сопротивления.

³⁸ Кржижановский любит словесную игру, используя анаграммы, логогрифы и пр. Здесь — пример омофонии. Ср. *Якоби и якобы* (1919), СС, т. 1, с. 117: «Фихте... значит “сосна” и придуманное точно со-сна напрасно трактуется им как действительность»; там же, с. 118: «...грядет вера с севера и возглаолят языцы: се вера». Ср. ДОСТОЕВСКИЙ Ф. М., *Братья Карамазовы*, ч. 2, кн. 5. 1. Сговор: «“Мама, говорит, я помню эту сосну, как со сна” — то есть “сосну, как со сна” — это как-то она иначе выразилась, потому что тут путаница, “сосна” слово глупое, но только она мне наговорила по этому поводу что-то такое оригинальное, что я решительно не возьмусь передать».

³⁹ Труд «работников пера» приравнивается к забаве гимназистов и школьников — игре «в пёрышки» (перья от перьевых ручек). Правила игры требовали с помощью своего пера щелчком перевернуть перо противника на «спинку», а потом тем же приемом вернуть его в исходное положение. Если это удавалось, перо выигрывалось.

⁴⁰ *Выписываю* — скорее всего, Кржижановский в буквальном смысле приводит здесь выписки из своих *Записных тетрадей*.

⁴¹ Ср. ШУБЕРТ, Франц, *Forellenquintett*, IV часть. Тема и вариации на тему песни *Форель*.

⁴² Под Киевом, на кооперативных складах работал сторожем сам Кржижановский. Видимо, это его личное наблюдение: «...я тогда был молод». Ср. «Если *факт* мой подойдет вам, советую подлитурировать его». Ср. КРЖИЖАНОВСКИЙ С. Д., Заявление Тройке Фрунзенского района по выдаче паспортов

от 22. 03. 1933, РГАЛИ, ф. 2280, оп. 1, ед. хр. 99, л. 1: «В Москве проживаю с 1922 г.; до того времени жил по преимуществу в Киеве. Моя политическая безупречность за все время с Октября ни разу не ставилась под подозрение. Никогда и нигде меня не только не арестовывали и не судили, но не привлекали даже к опросу по каким либо политическим делам. Служил только в советских учреждениях, в период же захвата Киева белыми, отказываясь от какого-либо с ними сотрудничества, предпочел работать сторожем на складах кооперативных учреждений (в общем, в течении около 1 1/2 лет)»; МСТИСЛАВСКИЙ С. Д., Справка от 21. 03. 1933, РГАЛИ, ф. 2280, оп. 1, ед. хр. 99, л. 4-4об: «При вступлении моем, в 1919, в должность Председателя Всеукр. Литературного Комитета, мне указали на Сигизмунда Доминиковича Кржижановского, как на высоко культурного человека, обладающего крупными литературными способностями, — до того времени не использованными им, т. к., уклоняясь от сотрудничества с белыми, он служил сторожем на одном из пригородных кооперативных складов... С лета 1919 года, он зарекомендовал себя чрезвычайно добросовестным работником и никаких, малейших даже проявлений нелояльности к Советской власти я никогда в нем не наблюдал. Ни при деникинцах, ни при поляках Кржижановский не состоял на службе у них, несмотря на крайне тяжелое материальное положение».

⁴³ Ср. *Материалы к биографии Горгиса Катафалаки* 2 (1929), СС, т. 2, с. 322: «Осенью 1917-го один из практикантов Гринвичской обсерватории, работавший под раздвинутым в звезды сводом главного павильона, с первым брезгом утра, закончив наблюдение и запись, остановил часовой механизм трубы и направился к выходу».

⁴⁴ В машинописи: «телевку». Возможно, речь идет о тележке дров.

⁴⁵ Ср. *Фрагменты о Шекспире* (1939), СС, т. 4, с. 363-364.

Подготовка текста к публикации и примечания
В. В. Петрова.